

Казалось, что его главное удовольствие в жизни — это менять упаковку поддельных конфет-розыгрышей и подшучивать над людьми, наблюдая, как они внезапно сталкиваются с кислым вкусом и начинают сомневаться в жизни. Все, кто учился с ним в одном классе, хотя бы раз становились его жертвами.

Хотя сам Су Шэнь утверждал, что он просто делится тем, что ему нравится.

И правда, он любил такие конфеты.

Если бы пришлось назвать его второе удовольствие, то это, вероятно, было бы поедание этих поддельных конфет-розыгрышей под названием «Провокация».

Сун Хайлинь с хрустом разжевывал конфету, скрестив руки на груди, и холодно наблюдал за непрекращающимся смехом Су Шэня.

Честно говоря, Су Шэнь не был таким уж любителем смеха. За эти годы он подшутил над многими, видел всякое, но выражение лица Сун Хайлиня действительно было беспрецедентным и, вероятно, больше никогда не повторится. Поэтому он смеялся без остановки.

Учитель Ни как раз вызвал Толстяка ответить на вопрос. Толстяк, который до этого прятался под партой, жуя блинчик, внезапно оказался на виду, с зеленой луковой крошкой на губах. Его растерянность делала его невероятно наивным. Члены шайки трусов вокруг шептались ему:

— Выбери А, выбери Б, выбери Д.

Толстяк, благодаря своему выдающемуся интеллекту, обошел все предложенные варианты и уверенно сказал:

— Выбираю В.

Вокруг тут же раздался смешок.

Лицо учителя Ни на кафедре сразу потемнело, и он швырнул кусок мела прямо в лоб Толстяка. Но не попал: Толстяк уклонился, и мел угодил в голову Гу Яню, который сидел рядом, развалившись, как важная персона.

— Этот вопрос... — учитель Ни только начал повышать голос, чтобы отругать его, но Гу Янь, которого вчера Сун Хайлинь основательно проучил, был не в настроении.

Уже сидя с мрачным лицом и обдумывая, как вернуть утраченное достоинство, он вдруг получил удар по лбу и, решив, что это какой-то одноклассник, тут же хлопнул по столу и закричал:

— Эй, кто это?!

Его крик полностью заглушил голос учителя Ни.

Теперь лицо учителя Ни стало похоже на маску судьи Бао.

— Гу Янь! — крикнул учитель Ни, сорвавшись на высокой ноте, с дрожью в голосе. — Выйди и стой за дверью!

Гу Янь, словно очнувшись, понял, что натворил. Толстяк, все еще в позе уклонения от мела, злорадствовал. Учитель Ни, заметив его сдержанную улыбку, крикнул и ему:

— Чжоу Сюнь, ты тоже! Выходи!

Он стукнул по кафедре несколько раз.

— Я тебя вызвал ответить на вопрос, а ты мне «Выбираю В»! Почему бы тебе не выбрать все двадцать шесть букв алфавита?! Возьми ручку и напиши «Выбираю В» тысячу раз, пока не закончишь, не заходи!

Су Шэнь и Сун Хайлинь, которые до этого тихо хихикали, тоже попали под горячую руку учителя Ни. Разозленный Гу Янем и Толстяком, он, казалось, был готов наполнить гневом всю школу, и, указывая на задние парты, крикнул:

— Су Шэнь, Сун... новенький, вы тоже! Выходите и стойте!

Сун Хайлинь был крайне удивлен, что его втянули в это без всякой причины.

Четверо виновато и не спеша вышли из класса, а учитель Ни продолжал орать, как заведенный:

— Вы, задние парты, отличники и двоечники, только и делаете, что шумите! Никакого понимания, что вы уже в одиннадцатом классе! Округлите — и вы в двенадцатом, а завтра уже ЕГЭ! И вы еще на уроке жуete блинчики! Это про тебя, Чжоу Сюнь! Сними с губ этот лук!

Чжоу Сюнь провел рукой вокруг рта, нашел луковую крошку и вытер её салфеткой из кармана.

Они вышли из класса, а учитель Ни продолжал ругаться:

— Надо ли мне еще раз напоминать, сколько баллов в ЕГЭ дает физика?! 110 баллов, понимаете, что это значит?!

Внутри учитель Ни кричал с энтузиазмом, а снаружи Толстяк, прижатый к стене и писавший «Выбираю В», трясся всем телом в такт его крикам.

Гу Янь стоял в стороне, мрачный, держась подальше от Сун Хайлиня, с выражением, в котором смешались злость, страх и недовольствие, создавая странную картину.

Сун Хайлинь посмотрел на него и вдруг понял, что означала странная улыбка Сун Цина, когда он пинал дерево у входа в школу.

Мне нравится смотреть, как ты ненавидишь меня, но ничего не можешь сделать.

Это забавляет.

Су Шэнь, вероятно, был самым спокойным из всех. Он подошел к перилам, откуда мог видеть доску в классе, развернул конфету, положил её в рот и стал слушать урок снаружи.

Сун Хайлинь заметил, что Су Шэнь на самом деле не доел конфету, а через минуту выплюнул её обратно в обертку.

Что за странность.

После того как кислый вкус наконец исчез, и началась сладость, он выплюнул её. В чем смысл?

Сун Хайлинь считал, что единственный смысл таких конфет-розыгрышей — это момент, когда кислота исчезает, и наступает сладость, которая, пожалуй, была самой сладкой в жизни. Если у кого-то и была одержимость этими конфетами, то именно из-за этого. Но уважаемый Су Шэнь поступил наоборот, словно презирая сладость.

Четверо стояли снаружи, каждый со своими мыслями, и прошло уже пол-урока, а конца этому не было видно. Сун Хайлинь с нетерпением посмотрел на темно-красный звонок над головой, ожидая, когда он зазвонит.

Но прежде чем его напугал звонок, его испугала учительница-красавица.

— Янь! — протяжно позвала она из-за угла лестницы, понизив голос. — О, вас наказали?

Толстяк поднял голову от листа, исписанного «Выбираю В», и мрачно кивнул.

Учительница-красавица усмехнулась, забрала у него листок, просмотрела его и вернула, сказав:

— Это точно идея учителя Ни.

Затем она заглянула в класс и продолжила:

— Я так и думала, только он мог придумать такую бесчеловечную штуку. Эй, Толстяк, сколько раз он тебе велел написать?

Толстяк кивнул с пониманием и сказал:

— Тысячу раз... — в его голосе звучала обида.

— Су Шэнь и Сун Хайлинь тоже здесь? — учительница-красавица, словно встретив старых знакомых, поздоровалась с каждым, как будто стоять у доски было почетно.

Неизвестно, услышал ли её Су Шэнь, но он не ответил, продолжая смотреть на доску в классе, где учитель Ни, словно на пружинах, объяснял важную часть. Су Шэнь даже слегка нахмурился.

Сун Хайлинь решил, что не стоит игнорировать учительницу, и, с трудом сдерживая раздражение, развел руками, показывая, что он здесь совершенно случайно.

Учительница-красавица посмотрела на часы, хлопнула Толстяка по плечу для поддержки и приказала Гу Яню:

— Янь, время звонка, дерни за веревку.

Сун Хайлинь еще не понял, что это значит, как резкий звонок прозвучал у него в ушах, словно взрыв.

Он быстро прикрыл уши, оглядевшись. Толстяк, Су Шэнь и учительница-красавица уже вовремя прикрыли свои. Гу Янь, дернувший за веревку, тоже прикрыл одно ухо, с довольным выражением лица, словно говоря: «Я выиграл».

Этот... чертов звонок оказался ручным!

Весь оставшийся день Сун Хайлинь не мог избавиться от эха в голове. Каждый раз, когда приближалось время звонка, он, даже находясь в классе, нервно готовился прикрыть уши.

Су Шэнь на уроках слушал внимательно, даже на уроках литературы, которые для класса с уклоном в естественные науки были почти как физкультура, он аккуратно записывал в тетрадь.

На последнем уроке все уже нервничали, спеша в столовую, и ерзали на стульях, словно сидели на гвоздях.

Сун Хайлинь тоже не слышал объяснений учительницы Цзя по древним текстам, полностью сосредоточившись на часах впереди, ожидая, когда кто-то потянет за веревку ручного звонка.

Если бы он так же внимательно слушал уроки, то, вероятно, стал бы первым в классе.

Звонки на предыдущих уроках подавали учителя, которые должны были вести следующий

урок, и он каждый раз нервничал, когда кто-то проходил мимо задней двери. Кто будет звонить на последнем уроке, оставалось загадкой.

Когда он уже начал нервничать, учительница Цзя посмотрела на часы и объявила конец урока.

Неужели время окончания занятий зависит от учителя?

Только он облегченно вздохнул, как в этот самый момент случайно взглянул на Су Шэня.

Су Шэнь, подперев голову рукой, словно улыбнулся. Словно, но, возможно, и нет.

<http://bllate.org/book/15285/1350483>